

Влас Михайлович Дорошевич

**«На дне» Максима
Горького**

Влас Михайлович Дорошевич «На дне» Максима Горького

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=651695

Аннотация

«На дне гниют утонувшие люди.

В ночлежке живут какой-то барон, прошедший арестантские роты, „девица“, гуляющая по тротуару, спившийся актер, телеграфист, сидевший в тюрьме за убийство, вор, „наследственный вор“, еще отец его был воров и умер в тюрьме.

От них смердит...»

Содержание

4

**Влас Михайлович
Дорошевич
«На дне» Максима
Горького
Гимн человеку¹**

«Человек вот правда! Что такое человек? Это не ты, не я, не они... нет! Это ты, я, они, Наполеон, Магомет. Понимаешь? Это огромно. В этом все начала и концы. Все в человеке, все для человека, все же остальное дело его рук и его мозга. Человек! Это великолепно. Это звучит гордо. Человек! Надо уважать человека. Не жалеть, не унижать его жалостью. Уважать надо! Выпьем за человека, барон!»

Сатин. «На дне». 4-й акт.

На дне гниют утонувшие люди.

В ночлежке живут какой-то барон, прошедший арестантские роты, «девица», гуляющая по тротуару, спившийся актер, телеграфист, сидевший в тюрьме за убийство, вор, «на-

следственный вор», еще отец его был вором и умер в тюрьме.

От них смердит.

Бывший барон за рюмку водки становится на четвереньки и лает по-собачьи. Бьющий телеграфист занимается шулерничеством. Девушка «гуляет». Вор ворует.

И они приняхались к смраду друг от друга. Барон пропивает деньги «девицы», актер пропивает деньги шулера. Вор у них первый человек.

– Нет на свете людей лучше воров!

– Им легко деньги достаются.

– Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются.

Им не смердит друг от друга. Чему возмущаться? Совести?

– Всякий человек хочет, чтоб *sosied ego* совесть имел.

– Все слиняло, один голый человек остался. Люди, как видите, «конченные».

Бывшие люди. Все сгорело. Груды пепла.

Но дотроньтесь. Пепел теплый. Где-то под пеплом теплится огонек. Теплится.

– У всех людей души серенькие, – все подрумянится хотят.

Вот это «подрумянить душу» и есть человеческое, вечно человеческое, «*das ewig menschliches*».²

Барон подрумянивает себе душу тем, что вспоминает, как

² Вечно человеческое (нем.).

он «благородно» пил по утрам кофе со сливками, как у него были предки и лакеи.

Актер подрумянивает душу тем, что с гордостью произносит «громкое» название своей болезни:

– Мой организм отравлен алкоголем! Не просто пьяница, а нечто звучное:

– Организм отравлен алкоголем! Звучит «благородно».

«Деввица» читает благородные романы. Где все самая возвышенная любовь и самопожертвование. И воображает себя на месте героинь. И верит этому.

Телеграфист произносит «необыкновенные слова»:

– Органон... Транс-цен-ден-тальный.

– Надоели мне, брат, все человеческие слова. Все наши слова надоели. Каждое из них слышал я, наверное, тысячу раз!

Глупы эти люди, не правда ли? И румяна у них грошевые?

И вдруг эти «серенькие души» вспыхивают ярким румянцем. Не румянцем грошевых румян. А настоящим, человеческим румянцем.

Что случилось?

В ночлежку пришел старик бродяга Лука.

И раздул пламя, которое таилось под грудой пепла.

И из этой груды грязи, навоза, смрада, отрепьев, гнусности, преступления вызвал человека.

Человека во всей его красоте.

Человека во всей его прелести мысли и чувства.

Как случилось такое чудо?

Лука не проповедник.

Лука суетливый старикашка, он говорит забавно и наивно.

Но каждое его слово сейчас же переходит в дело.

Он проповедует делами, и в этом, как в толстовском Акиме³, его сила.

Лука с полицейской точки зрения – темная личность. С нашей – обыкновенный:

– Потерял всякую нравственную брезгливость.

Он входит со словами:

– Мне все равно. Я и жуликов уважаю. По-моему, ни одна блоха не плоха. Все черненькие, все прыгают.

Лука полон веры в человека.

– А как ты думаешь, добьются люди правды?

– Да уж раз взялись, – как же не добиться. Люди добьются.

Мира будущего человеку бояться нечего:

– Ты, Анна, не бойся. Ты неба не бойся. Преставишься ты, и скажет Господь: «Приведите ко мне Анну. Я эту Анну знаю. Эта Анна много страдала, много мучилась в жизни. Отведите Анну теперь на покой. Пусть Анна отдохнет».

У Луки религия человека. Всегда во всем у него прежде всего «человек». На него, когда он был сторожем, напали с топором беглые каторжники. Он «осерчал за топор». Из ружья нацелился.

³ ...как в толстовском Акиме... – Аким – персонаж пьесы Л.Н. Толстого «Власть тьмы».

– Бросай топор. Наломай веток. Пори друг друга по очереди. Зачем на человека с топором кидаетесь!

Они падают на колени перед направленным на них дулом.

– Покорми нас. Мы с голода.

Лука кормит их, берет к себе. Беглые живут у него до весны, работают, весной прощаются и уходят бродяжить:

– Славные *люди*.

Эта любовь к человеку ведет его, и ведет правильно, даже там, где он, как в тумане, ничего не понимает.

Спившийся актер старается припомнить стихотворение:

– Самое любимое стихотворение! Я всегда его со сцены читал! Забыл! Забыл!

И это, казалось бы, непонятное для Луки горе сразу находит в его сердце самый настоящий, человеческий отклик.

– Как не понять? Легко ли! Даже самое любимое для человека забыть!

«Девница» рыдает:

– Верно это, все верно написано! Со мной это было! Со мной! Студент он был. Гастошей звали!

Барон хохочет:

– А в прошлый раз звала Раулем!

– В лаковых сапожках он был! С бородкой! Лука слушает с сочувствием.

– Гастошей, говоришь? В лаковых сапожках? Скажи, пожалуйста! «Религия человека», который он весь пропитан, инстинктивно подсказывает ему:

– Здесь, в этих мечтах, самое дорогое для человека.

«Религия человека» подсказывает Луке, что какому человеку сейчас нужно.

Болен человек, – его надо отвести на воздух. Умирает человек, – его надо успокоить, чтоб не боялся. Убить человек хочет, – ему нужно как-нибудь невзначай помешать.

Актер в отчаянье:

– Отравлен алкоголем.

Лука рассказывает ему о больнице, где от этого лечат. Есть такая больница:

– Только приходи! Узнаем, где, – и иди.

Он ничего не проповедует. Он суетится и делает.

Он говорит делая.

Он и говорит и делает весело, с шутками, поет песни.

Ему, полному «религии человека», светло и радостно. Он в храме своего божества. Кругом столько людей. И каждому *можно* помочь.

Для него нет ни дурных, ни плохих, ни ужасных, ни страшных. Для него есть люди. Просто люди. Только люди.

И оттого он со всеми одинаков. И оттого он весел, говоря с человеком.

– Что-то я тебя не знаю! – говорит ему мрачно городской.

– А других-то людей разве всех знаешь? – весело шутит с ним Лука.

– В моем околотке всех.

– Ну, так это, значит, оттого, что не вся земля в твоём

околотке. Лука начинает песню.

– Не вой! – останавливает его один из ночлежников.

– А разве не любишь, когда поют?

– Люблю, когда хорошо.

– А я, значит, плохо? Скажи, пожалуйста! А я думал, хорошо. Всегда вот так-то. Человек думает, что хорошо делает. А другим-то видать, что плохо.

И перестает петь.

Потому что он не может стеснять *человека*. Не может нарушать прав *человека*. Не может доставлять неприятности *человеку*.

Как на светлом пиру, он и в ночлежке. Потому что кругом есть люди.

К вору относились все как к вору.

Барону кололи глаза:

– Барином был!

«Девице» говорили только:

– Ты кто? Ты вот кто!

Актеру:

– Ты пропойца!

Телеграфисту:

– Шулер, – и больше ничего.

И вот пришел человек, который отнесся к ним, как к людям. Только как к людям. Увидел в них людей. Только людей. К каждому подошел:

– Человек.

Что этому *человеку* сейчас нужно? И что для этого *человека* сейчас сделать?

– Человек!

И от этого обращения «человек», дремавший человек проснулся и поднялся во всей гордости своей, во всей своей прелести мысли и чувства.

Как видите, и чуда здесь никакого не было.

Лука не создавал здесь человека.

Человек здесь был. Человек спал. Человек проснулся.

И только.

И только душа его, вместо грошевых румян, залилась, зарделась настоящим, человеческим румянцем.

И страшно, и радостно, и гордо было пробуждение человека.

Актер не захотел больше жить среди грязи, смрада, падения и давился.

Вор готов было бросить свое воровское дело:

– Мне с детства твердили: вор, воров сын. Я и говорил: я и покажу, какой я вор. И показывал.

Теперь человек в нем потребовал человеческого к себе отношения.

– Относись, – говорит он любимой девушке, – ко мне по-человечески, и я человеком буду.

И когда Сатин, бывший арестант, шулер, в ночлежном доме, поднялся со своим тостом:

– Выпьем за человека, барон!

Вы, зритель, почувствовали, что он, бывший арестант, шулер, ночлежник, выше вас в эту минуту и умственно и нравственно.

Потому что в вас человек спит, а тут человек встал, поднялся во весь свой рост, во всей красоте мысли и чувства.

Кто пробудил эти мысли? Кто заставил эти умы и чувства работать?

Лука.

Солнце заглянуло в ночлежку.

И пол залился солнцем, и веселые зайчики заиграли по стенам. И все стало радостно. И много-много всего осветило солнце. И светлы стали закоулки душ.

Что из этого получилось?

Ничего.

Ничего реального.

Девушка пойдет на тротуар. Иначе ее из ночлежного дома прогонят. Васька Пепел, отсидев в остроге, опять воровать примется. Что ж ему другое делать? Сатин, после монологов: «человек, это звучит гордо», – будет шулерничать по-прежнему.

Жизнь этого требует.

Жизнь так сложилась, что они не могут быть иными.

Только разве удавиться, как актер.

Ничем не кончилось, ничем не могло кончиться. В жизни ничто не кончается ничем.

Жизнь идет, идет, идет кругом, как колесо!

Но среди беспросветного мрака была минута, – когда ярко светило солнце.

Но по щекам бледным, исхудалым, мертвым, – была минута, – разлился яркий, живой, горячий, радостный румянец.

Мгновенье! Будь благословенно! Ты было прекрасно.

Что принесла несчастным эта «религия человека».

Спросите у религиозного человека:

– Можно ли, прочитав молитву, освободиться ото всех грехов? Он вам скажет:

– Надо всю жизнь изменить и молиться.

– Значит, прочитать молитву бесполезно? Не нужно?

– Нет. Нужно! Нужно! Нужно! Пусть даже среди грехов, на одну минуту в сердце человека воскреснет Бог! И наполнится душа его Богом! Значит, в этой душе живет Бог! Это важно! Это нужно! Это важнее! Это нужнее всего! Без этого нельзя!

На минуту проснулся человек.

Во всей своей человеческой прелести, во всем своем человеческом совершенстве.

И дивное зрелище неописанной красоты представилось нашим глазам.

Под грязью, под смрадом, под гнусностью, под ужасом, в ночлежке, среди отребьев:

– Жив человек!

Это пьеса – песнь. Это пьеса – гимн человеку. Она радостна и страшна. Страшна.

Видя «на дне» гниющих, утонувших людей, вы говорите своей совести:

– Что ж! Они уж мертвые. Они уж не чувствуют.

Вы спокойны, что бы с ними ни делалось.

И вот вы в ужасе отступаете:

– Они еще живые!